УДК: 321.01:930.1(470+571) DOI: 10.12737/20390

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ: ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ И В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ

Васютин Ю.С., Панова Е.С.[1]

Авторами статьи рассмотрен феномен исторической памяти поколений, проанализированы тенденции его концептуализации, определена диалектическая взаимосвязь с современными процессами глобализации, демократической консолидации и политической модернизации власти и общества. Исходя из складывающейся международной обстановки, а также внутриполитического развития России. Обоснована концептуальная идея права на историческую память и приходят к выводу о его закономерной институционализации в общественном сознании и в государственной политике Российской Федерации.

Ключевые слова: историческая память, глобализация, власть, общество, институционализация, государственная политика.

HISTORICAL MEMORY: INSTITUTIONALIZATION IN PUBLIC CONSCIOUSNESS AND STATE POLICY

VASYUTIN Y. S. — Academician of the Academy of Political Science, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Political Science and State Policy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Orel branch (Russian Federation, Orel), e-mail: y.s.vasutin@yandex.ru

PANOVA E. S. — Senior Lecturer of the Department of Constitutional and Municipal Law, Postgraduate student of the Department of Political Science and State Policy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Orel branch (Russian Federation, Orel), e-mail: panova-es@rambler.ru

The authors of the article studied the phenomenon of historical memory of the generations and analyzed the tendencies of its conceptualization, defined its dialectical relationship with contemporary processes of globalization, democratic consolidation and political modernization of the government and the society. Based on the current international situation, as well as political development of Russia, the authors substantiate the conceptual idea of the right to historical memory and draw a conclusion about its natural institutionalization in the public consciousness and the state policy in the Russian Federation.

Keywords: historical memory, globalization, authority, society, institutionalization, state politicy.

Васютин Юрий Сергеевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры политологии и государственной политики, академик Академии политической науки; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Орловский филиал; 302028, Россия, г. Орёл, б. Победы, 5а; e-mail: y.s.vasutin@yandex.ru,

Панова Екатерина Станиславовна, старший преподаватель кафедры конституционного и муниципального права, аспирант кафедры политологии и государственной политики; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Орловский филиал; 302028, Россия, г. Орёл, б. Победы, 5-а; e-mail: panova-es@rambler.ru

Процессы поступательного демократического развития отечественной политической системы и консолидации современного российского общества в последние годы становятся всё более очевидными. Однако внешний фактор в виде глобализации общественных отношений обнаруживает проблему размывания границ подлинной демократии, что находит своё проявление в использовании доктрины прав человека вопреки её исходной гуманистической идее[1]. В частности, настораживают попытки распространения «двойных стандартов» в международной трактовке прав человека, равно как и попытки подмены фундаментальных демократических ценностей геополитическими интересами отдельных государств. И здесь впору задаться вопросом: «Как из жизнеутверждающего демократического начала права человека искусственно превращаются в объект манипулирования и глобальных противостояний?»[2].

В последние годы наблюдается расцвет новых либеральных взглядов, в основу которых заложено, на наш взгляд, искажённое понимание идеи прав и свобод личности - как вседозволенности. Актуальное звучание проблемам реализации прав человека в глобальном масштабе придают так называемые «информационные карусели» - технологии искажения информации путём подмены смыслов, которые «затирают» фундаментальное право человека на получение достоверной информации. Политика «закрытых дверей», основанная на идеологии «чёрных списков», в свою очередь, создаёт искусственные преграды и нарушает фундаментальное право человека на свободу передвижения и выбор места пребывания. Украинские события, развернувшиеся в конце 2013 – начале 2014 г.г.[3], породили выражение «майданные технологии», в основе которых лежит искажённое понимание права на проведение манифестаций. Более того, получает распространение деструктивная практика свержения легитимных политических режимов и провоцирования внутригосударственной нестабильности, основанная на технологиях радикализации общества, известных под названием «цветные революции». На наш взгляд, эти и другие угрозы, исходящие от феномена глобализации, актуализируют восприятие института прав человека в качестве основы для консервативной модернизации Российского государства и общества, ядро которой составляют такие фундаментальные ценности, как духовность и нравственность, созидательный труд, служение Отечеству и патриотизм, уважение старших поколений, историческая правда.

Однако в последнее время появляются прозападные идеологи, которые постоянно твердят о том, что наши предки якобы не так жили, не так «строили», не так воевали, не то нам оставили, а потому и память о них довольно противоречива. Всё это выглядит по меньшей мере ненаучно, если не сказать - антинаучно, поскольку идёт вразрез с основополагающим принципом исторической науки - принципом историзма, означающим обусловленность событий конкретно-историческими условиями, в которых они происходят. Получается, что в XXI веке с высоты реалий настоящего времени высказываются довольно

---

[1] См., например, Бакина А.В. Либерально-демократическая парадигма прав и свобод человека как инструмент геополитической экспансии: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. Екатеринбург, 2008. - 176 с.

[2] Панова Е.С. Актуальные политические проблемы реализации прав человека и пути их разрешения // В мире научных открытий. 2015. № 3.4. - С. 1944-1945.

[3] Белая книга нарушений прав человека и принципа верховенства права на Украине // Официальный сайт Министерства иностранных дел РФ. – URL: http://www.mid.ru/home (дата обращения: 27.04.2016).

субъективные, «смелые», а зачастую искажённые оценки важнейших драматических и трагических событий прошлых лет, которые отражаются прежде всего в обыденном сознании простых людей. Думается, что подобный подход имеет не столько историографические, сколько политические мотивы.

Наиболее пристальное внимание вызывают попытки реабилитации фашизма, стремление отдельных политических сил переписать историю, стереть историческую память молодых поколений. Ещё в ходе подготовки и проведения мероприятий, посвящённых празднованию 70-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне 1941– 1945 г.г., а также других знаменательных дат отечественной истории, возникла широкая дискуссия по проблемам сохранения исторической памяти, в которую были вовлечены представители власти, институтов гражданского общества, научного сообщества, молодёжных патриотических организаций. Всё это, безусловно, свидетельствует о концептуализации и институционализации феномена исторической памяти.

Мысль о том, что каждое поколение несёт на себе зримые следы социальных и политических событий эпохи своей юности, не нова, о чём пишут Г. Шуман и Ж. Скотт[1]. Историческую память можно охарактеризовать как «часть исторического сознания, которая подпитывается как систематизированной (через образование), так и неупорядоченной, случайной (через средства массовой информации, произведения искусства) информацией»[2].

Сравнивая два подхода к Великой Отечественной войне, традиционный и интерпретативный, Н.А. Лобкова формулирует мысль о том, что в рамках первого подхода она предстаёт как «героический период отечественной истории», а в рамках второго - «многие героические моменты ставятся под сомнение, подвергаются зачастую безосновательной или произвольной трактовке»[3].

Рассматривая историческую память о мировых войнах как проблему политической конфликтологии, О.Н. Коршунова и Я.М. Поливанов предостерегают: «Чем больше отдаляется военное прошлое, тем сложнее становится механизм его воспроизведения... Стремление к переосмыслению прошлых классических, историографических и официально одобренных версий и ракурсов интерпретации событий Второй мировой войны не должно превращаться в оправдание манипуляции памятью для дезориентации и политизации по принципу «от обратного»[4].

Анализируя социальные и культурные детерминанты политики памяти в современной России, Д.Г. Горин выделяет её инфраструктуру, включающую «политические институции, научные и образовательные учреждения, медиасферу, музеи и политизированную топонимику»[5].

---

[1] Шуман Г., Скотт Ж. Коллективная память поколений // Социологические исследования. 1992. № 2. С. 47– 60.

[2] Положенцева И.В., Кащенко Т.Л. Феномен исторической памяти и актуализация личной исторической памяти студентов // Власть. 2014. № 12. С. 42.

[3] Лобкова Н.А. История против лжи о Великой Победе // Инновации в образовании: материалы VII Международной научно-практической конференции: сборник. - Орёл: Издательство ФГБОУ ВПО Орёл ГАУ, 2015. - С. 235.

[4] Коршунова О.Н., Поливанов Я.М. Историческая память о мировых войнах как проблема конфликтологии // Конфликтология. – 2014. № 3. – С. 49.

[5] Горин Д.Г. Политика памяти в условиях социально-политической трансформации: особенности России // Среднерусский вестник общественных наук. 2012. № 2. – С. 98.

Разделяя данную дискуссию и присоединяясь к ней, позволим себе высказать мысль о том, что проблема фрагментарного восприятия нашим обществом отечественной истории (царская, советская, демократическая) сегодня становится жизненно важной проблемой. Как нам представляется, именно на этой почве, в традициях времён «холодной войны», против России ведётся информационная, а если шире, – то идеологическая конфронтация, частью которой является пересмотр отдельных исторических событий и даже целых исторических периодов. Логичным представляется и то, что противостоять этому потоку негатива возможно также идеологически.

Общеизвестно, что идеология прежнего общества, как и следовало ожидать, была отвергнута, как неприемлемая, а доказательство тому - наступившая затем деидеологизация российского общества. К слову, профессор В. Миронов полагает, что деидеологизация, по сути, может выступать как новая идеология на определённом этапе общественного развития[1]. Жизнь показала, что и либеральные реформы, имевшие определённое положительное воздействие на экономическую свободу, отрицательно сказались на духовно-нравственном возрождении страны. Таким образом, либерализм так и не стал массовым явлением, а его социальная база фактически продолжает оставаться в оппозиционном состоянии[2]. По нашему мнению, проблема сохранения национальной исторической памяти могла бы найти своё разрешение в государственной идеологии воспитания и образования подрастающих поколений в духе преемственности общечеловеческих ценностей, патриотизма, уважения отечественной истории и её целостного восприятия, культурной связи прошлого, настоящего и будущего.

О давно назревшей общественной потребности в воспроизводстве исторической памяти поколений свидетельствует такая знаковая общественная инициатива как всероссийская акция «Бессмертный полк», объединившая в своих рядах миллионы человек. О многом говорит проведение всероссийских патриотических акций «Свеча памяти», «Георгиевская ленточка», всероссийского проекта политической партии «Единая Россия» - «Историческая память», публикация «Всероссийской Книги Памяти», организация просветительского конкурса-голосования «Имя Победы», межрегиональной акции «Вахта памяти» и ряда других торжественных мероприятий, рассматриваемых нами как конструктивные социальные технологии институционализации феномена исторической памяти.

При анализе имеющихся источников по проблеме сохранения исторической памяти мы обратили внимание на результаты опроса, проведённого в мае 2015 года (опрошено 1600 чел.), согласно которым каждый второй россиянин (54%) сталкивался с фактами искажения истории страны. Среди основных целей фальсификаторов респонденты чаще всего выделяют ослабление влияния России (10%), лишение народа исторической памяти (8%), отстаивание фальсификаторами своих интересов (8%), борьбу за власть, деньги (7%). Некоторые считают, что фальсификаторами движет желание дестабилизации

[1] Миронов В. Деидеологизация - новая идеология? // Высшее образование в России. 2003. № 1. С. 67– 74.

[2] Васютин Ю.С. Партийная идеология: сравнительный анализ // Образование и общество. 2012. №3. – С. 126.

ситуации в стране (6%). А 83% граждан уверены, что с теми, кто умышленно искажает историю России, необходимо бороться[1].

А вот данные другого опроса, проведённого в апреле 2015 г. (опрошено 1000 чел.), согласно которым то, что государство делает для сохранения памяти о Великой Отечественной войне, россиянам нравится: большинству нравится всё (54%), каждый четвёртый (25%) считает, что в основном всё делается правильно[2].

Бесспорно, задача достойного отношения к исторической памяти народа, её поддержания и защиты должна решаться (и решается!) на высшем государственном уровне, поскольку от этого зависит государственность в целом и дух гражданственности каждого человека. О том, насколько важно беречь «историческую ратную память Отечества», говорил Президент Российской Федерации В.В. Путин в Послании Федеральному Собранию РФ за 2012 год[3]. И в других своих выступлениях он неоднократно подчёркивал созидательное значение исторической памяти и предостерегал от её забвения: «Главный ресурс мощи России, её будущего – в нашей исторической памяти»[4]. Или: «Историческая память - великолепный цемент, который из людей разных народов, разных этносов и разных религий делает одну, единую и неделимую российскую нацию, создает и укрепляет единую и неделимую великую Россию»[5]. Таким образом, можно со всей уверенностью сказать, что в настоящее время в нашей стране проводится национальная политика по сохранению исторической памяти. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации к угрозам нашей стране отнесены в том числе размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей и попытки фальсификации российской и мировой истории[6].

Считаем, что эта новая для всего цивилизованного общества угроза в виде попыток пересмотра взглядов на историю второй мировой войны и, в частности, историю Великой Отечественной войны, в значительной степени способствует постановке вопроса о праве народа на историческую память. И это право требует безусловной защиты, когда в некоторых странах ближнего или дальнего зарубежья объявляют войну памятникам российской истории и воинским мемориальным комплексам.

Целенаправленным идеологическим проектом представляется создание институтов национальной памяти в ряде стран Восточной Европы, которые после падения

---

[1] Мониторинг социологических исследований прорежимных служб: историческая память // Официальный сайт Коммунистической партии РФ. – URL: www.kprf.ru/analytics/monitoring-sotsiologicheskikh-issledovanii-prorezhimnykh-sluzhb-istoricheskaia-pamiat.html (дата обращения: 11.08.2015).

[2] Там же.

[3] Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию РФ от 12 декабря 2012 года // Официальный сайт Президента РФ. – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/17118 (дата обращения: 20.03.2016).

[4] Встреча с участниками учредительного съезда Российского военно-исторического общества 14 марта 2013 г. // Официальный сайт Президента РФ. – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/17677 (дата обращения: 20.03.2016).

[5] Путин: Историческая память создаёт единую и неделимую российскую нацию // Официальный сайт политической партии «Единая Россия». – URL: http://er.ru/news/58959/ (дата обращения: 20.03.2016).

[6] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 31.12.2015г. № 683 // Собрание законодательства РФ. - 2016. – 4 января. – № 1 (часть II). – Ст. 212.

коммунизма активно проводили политику декоммунизации. Один из первых таких институтов появился в Польше (эту информацию легко можно найти в сети Интернет). Сходные по функциям комиссии были созданы ещё в 90-х гг. при органах власти прибалтийских государств - Латвии, Литвы, Эстонии, ранее входивших в состав СССР. Сегодня по этим стопам следует Украина. Отметим, что в Российской Федерации в 2009 году была создана Комиссия при Президенте РФ по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России, однако в 2012 году по каким-то причинам она прекратила своё существование. Тем не менее в Совете при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека действует постоянная Комиссия по исторической памяти, в задачи которой входит развитие национальной стратегии по сохранению исторической памяти[1].

Таким образом, под правом на историческую память нами понимается право народа помнить о героических событиях отечественной истории, распространять и популяризировать информацию о них, бороться с попытками переписывания общепризнанных исторических фактов. А если посмотреть на эту тему шире, - то институционализация права на историческую память охватывает процессы социализации подрастающего поколения, пропаганды духовно-нравственных и патриотических ценностей, уважения к официальным государственным символам, таким как флаг, герб и гимн, консолидации современного российского общества. В этой связи мы считаем, что признание феномена исторической памяти должно быть подкреплено его нормативным закреплением и безусловной защитой при попытках отрицания, фальсификации, надругательства.

На наш взгляд, отдельные аспекты институционализации права на историческую память нашли отражение в ряде нормативных правовых актов, в частности, в Законе РФ «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» от 14 января 1993 г. № 4292-1 (в ред. от 5 апреля 2013 г.), в действующем Уголовном кодексе Российской Федерации, где есть статья, посвящённая запрету реабилитации нацизма, в Федеральном законе «О Знамени Победы» от 7 мая 2007 г. № 68-ФЗ, в Указе Президента РФ «О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма в Российской Федерации» от 23 марта 1995 г. № 310 (в ред. от 03.11.2004 г.).

Исходя из вышеобозначенного, а также из того, что система прав человека является динамично развивающейся системой, мы посчитали целесообразным выступить с общественной инициативой признания и законодательного закрепления права на историческую память как важнейшего коллективного права, наряду, скажем, с правом на мир, правом народа на самоопределение. По нашему мнению, право на историческую память могло бы найти достойное закрепление, например, в процессе совершенствования Конституции РФ, в указе Президента РФ или, скажем, в постановлении Совета Федерации ФС РФ, в государственной программе патриотического воспитания граждан РФ, в законодательстве об образовании в РФ. Не исключаем, что это положение могло бы быть

[1] Официальный сайт Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека. – URL: http://president-sovet.ru/about/comissions/permanent/read/5/ (дата обращения: 17.04.2016).

воспринято странами Содружества Независимых Государств, например, в Конвенции СНГ о правах и основных свободах человека.

Данная инициатива нашла отклик в Совете при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека, а также в Администрации Президента РФ, из которой пришёл официальный отзыв о направлении обращения по вопросу институционализации права на историческую память в самостоятельное подразделение Администрации Президента Российской Федерации, в компетенцию которого входит решение поставленного в обращении вопроса (ответ от 10 ноября 2015 г. № А26-01-119593971).

Резюмируя всё вышеизложенное, приведём некоторые обобщающие размышления и сформулируем ряд выводов. Во-первых, экспертную оценку общенародных и общезначимых исторических этапов, событий и фактов необходимо оставить всё же науке и учёным. А уже затем на базе соответствующего научного анализа, при непосредственном участии государственных и общественных институтов федерального, регионального и муниципального уровней, акцентировать внимание не столько на обвинениях и нравоучениях (историю уже не изменить!), сколько на извлечении из этого опыта соответствующих уроков для современности, облекаемых в предупреждающие конституционно-правовые решения. Считаем, что именно такой подход будет служить преемственности поколений, осознанию великой сложности тех исторических процессов, а также современного развития Российского государства и общества.

Во-вторых, заметим, что сегодня простым администрированием, формализацией привычных общественно-политических мероприятий, а в лучшем случае просто информационными сообщениями трудно сформировать мировоззрение и общественное сознание, в том числе правосознание, политическую культуру, привить ценностные ориентации служения интересам государства, общества и граждан, да и просто кого-то в чём-то убедить. Отсутствие прочной идейной основы, на которой могут возникнуть гражданские и патриотические чувства, может означать, что каждый остаётся при своих интересах, в то время как деньги активно стремятся стать главной идеологией не только рыночных, но и общественных отношений. А за них, как известно, всё покупается и продаётся. И не случайно российское общество, пережив период глубокого мировоззренческого кризиса, постепенно возвращается к осознанию важности и необходимости новой демократичной идеологии, объединяющей граждан многонациональной страны в единое государство[1].

Таким образом, мы считаем, что сохранению национальной исторической памяти призвана служить демократическая консервативная идеология, основанная на традиционных ценностях, формирующих фундамент государственности и российской ментальности, таких как достоинство личности, уважение семейных и конфессиональных традиций, межнациональное согласие, преемственность истории нашей Родины, свобода и независимость России, а безусловному пресечению попыток пересмотра общепризнанных исторических событий и фактов должно служить верховенство права.

[1] Васютин Ю.С. Плюрализм идеологии: состояние и тенденции развития // Среднерусский вестник общественных наук. – 2012. № 2. – С. 89.

Библиография/References:

1. Бакина А.В. Либерально-демократическая парадигма прав и свобод человека как инструмент геополитической экспансии: дис.... канд. полит. наук. – Екатеринбург, 2008. – 176 с.

2. Васютин Ю.С. Партийная идеология: сравнительный анализ // Образование и общество. – 2012. – № 3. – С. 122 – 127.

3. Васютин Ю.С. Плюрализм идеологии: состояние и тенденции развития // Среднерусский вестник общественных наук. – 2012. – № 2. – С. 89 – 95.

4. Горин Д.Г. Политика памяти в условиях социально-политической трансформации: особенности России // Среднерусский вестник общественных наук. – 2012. – №2. – С. 98 – 104.

5. Коршунова О.Н., Поливанов Я.М. Историческая память о мировых войнах как проблема конфликтологии // Конфликтология. – 2014. – № 3. – С. 39 – 50.

6. Лобкова Н.А. История против лжи о Великой Победе // Инновации в образовании: материалы VII Международной научно-практической конференции: сборник. – Орёл: Издательство ФГБОУ ВПО Орёл ГАУ, 2015. – С. 234 – 241.

7. Миронов В. Деидеологизация - новая идеология? // Высшее образование в России. – 2003. – № 1. – С. 67 – 74.

8. Панова Е.С. Актуальные политические проблемы реализации прав человека и пути их разрешения // В мире научных открытий. – 2015. – № 3.4. – С. 1940 – 1949.

9. Положенцева И.В., Кащенко Т.Л. Феномен исторической памяти и актуализация личной исторической памяти студентов // Власть. – 2014. – № 12. – С. 42 – 46.

10. Шуман Г., Скотт Ж. Коллективная память поколений // Социологические исследования. – 1992. – № 2. – С. 47 – 60.

1. Bakina, A.V. (2008) Liberal'no-demokraticheskaia paradigma prav i svobod cheloveka kak instrument geopoliticheskoi ekspansii [Liberal democratic paradigm of human rights and freedoms as a tool of geopolitical expansion]: dis. ...kand. polit. nauk. – Ekaterinburg. – 176 p. (In Russ.)

2. Vasiutin, Iu.S. (2012) Partiinaia ideologiia: sravnitel'nyi analiz [Party ideology: comparative analysis] // Obrazovanie i obshchestvo [Education and Society]. – № 3. – P. 122 – 127. (In Russ.)

3. Vasiutin, Iu.S. (2012) Pliuralizm ideologii: sostoianie i tendentsii razvitiia [The ideology's pluralism: state and tendencies of development] // Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk [Central Russian Journal of Social Sciences]. – № 2. – P. 89 – 95. (In Russ.)

4. Gorin, D.G. (2012) Politika pamiati v usloviiakh sotsial'no-politicheskoi transformatsii: osobennosti Rossii [Politics of memory in conditions of the social-political transformation: peculiarities of Russia] // Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk [Central Russian Journal of Social Sciences]. – № 2. – P. 98 – 104. (In Russ.)

5. Korshunova, O.N., Polivanov, Ia.M. (2014) Istoricheskaia pamiat' o mirovykh voinakh kak problema konfliktologii [Historical memory of the world wars as a problem of conflictology] // Konfliktologiia [Conflictology]. – № 3. – P. 39 – 50. (In Russ.)

6. Lobkova, N.A. (2015) Istoriia protiv lzhi o Velikoi Pobede [History is against the lies of the Great Victory] // Innovatsii v obrazovanii [Innovations in education]: materialy VII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii: sbornik. – Orel: Izdatel'stvo FGBOU VPO Orel GAU. – P. 234 – 241. (In Russ.)

7. Mironov, V. (2003) Deideologizatsiia - novaia ideologiia? [Deideologization is a new ideology?] // Vysshee obrazovanie v Rossii [Higher Education in Russia]. – № 1. – P. 67 – 74. (In Russ.)

8. Panova, E.S. (2015) Aktual'nye politicheskie problemy realizatsii prav cheloveka i puti ikh razresheniia [Vital political problems of the human rights realization and ways of their solution] // V mire nauchnykh otkrytii [In the World of Scientific Discoveries]. – № 3.4. – P. 1940 – 1949. (In Russ.)

9. Polozhentseva, I.V., Kashchenko, T.L. (2014) Fenomen istoricheskoi pamiati i aktualizatsiia lichnoi istoricheskoi pamiati studentov [The concept of historical memory and actualization of personal historical memory of the students] // Vlast' [The Authority]. – № 12. – P. 42 – 46. (In Russ.)

10. Shuman, G., Skott, Zh. (1992) Kollektivnaia pamiat' pokolenii [Collective memory of generations] // Sotsiologicheskie issledovaniia [Sociological Studies]. – № 2. – P. 47 – 60. (In Russ.)